

ПРОРОЧЕСТВО ГАМЛЕТА, КАНТОВСКИЙ ПРОЕКТ ВЕЧНОГО МИРА И ОСНОВНАЯ ЗАГАДКА МИРОВОЙ ИСТОРИИ

1. Всемирно известный символ властолюбивого саморазрушения — Гамлет — произносит завораживающую фразу: «Насильственные действия концом своим насильственные действия имеют» (в переводе Б. Пастернака).

Датский летописец XII века Саксон Грамматик и английский хронист конца XVI века Рафаэль Холинshed, к исследованиям которых обращался Уильям Шекспир при написании «Гамлета», указывали, что шекспировский герой прежде всего известен тем, что он убийца, а не рефлексирующий молодой мыслитель. Да, он убил Полония, отравил Розенкранца и Гильденстерна. Но у Шекспира эта историческая правда превращается в вечную этическую проблему самоуничтожения властолюбием. В интерпретации Льва Додина «Гамлет» сводится к жесткой закономерности: «насилие всегда образует замкнутый кровавый круг, вырваться из которого можно, только распрощавшись с жизнью».

2. Кровавый круг насилия — *bellum omnium contra omnes* — понятие социальной философии Томаса Гоббса продолжает пророчество Гамлета. В так называемом естественном доправовом состоянии все люди равны и каждый руководствуется своими страстями. А поскольку человек эгоистичен, то самыми сильными страстями являются жажда власти, богатства и наслаждений. Принцип поведения человека в «естественном состоянии» предельно прост: «человек вступает в череду конфликтов. Так возникает война всех против всех». Как известно, в «Левиафане» Гоббса проявилась философская рефлексия гражданской войны в Англии.

Прошли века, и появился великий кантовский проект договора о вечном мире между государствами. Он появился не сразу, сначала Кант считал, что война является одной из «хитростей разума», которая направляет разногласия между государствами на пользу человечеству. Но ко времени появления трактата «К вечному миру» (1795) Кант уже считал, что практический разум

состоит в устремлении к миру. Когда он использовал термин «истребительная война», то, по сути, предугадал риски современной войны, «которая позволила бы установиться вечному миру лишь на великом кладбище человечества».

Избежать такой перспективы позволяет только *право*, прописывающее правила, в соответствии с которыми военные столкновения становятся невозможны из-за ликвидации оснований к таковым.

Великий моралист Кант, как и другие моралисты, свято верил в реализуемость его программы «к вечному миру». А академик А. А. Гусейнов доказывал, что развитие цивилизации не пошло по пути, указанному великими моралистами, и их нормативно-этические программы чаще всего оказываются нереализованными. Чтобы, надо думать, оправдать их деятельность, Абдусалам Абдулкеримович пишет, что «возвышенный пафос моралистов был спасательным противовесом материальной устремленности цивилизации»¹. В этой апологетике можно обнаружить глубокую мысль: хорошо уже то, что моралисты есть, что их предупреждающие голоса предостерегают от рисков одичания. Но одновременно Гусейнов, как мне кажется, намекает на вечную закономерность несоответствия между платоническим миром идей и материальными интересами наций.

Прудон, через полтора века после проекта Канта, вновь объяснял феномен войны и мира как две неизбежные функции человечества, которые чередуются в истории, так же как в жизни человека чередуются бодрствование и сон. Поэтому у Прудона, пережившего революцию и войну, война — дело обыденное и чуть ли не продуктивное.

В начале XXI века в глобальном мироустройстве начался новый цикл, появились «гегемониальная держава» и «оппортунистическое приспособление к ней Европы» (Ю. Хабермас).

Дальнейший «разлом коры мира» (как состояние, сменяющее состояние войны) вновь расколол Запад и Восток как будто бы для того, чтобы доказать

¹ Гусейнов А. А. Великие моралисты. М., 1995. С. 263.

правоту Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись».

Неужели цивилизация обречена на такую модель развития, которая может быть описана известными словами В. И. Ленина: «Шаг вперед, два шага назад»?

3. Для меня утверждение о том, что ядром культуры человечества и тем самым сердцевиной цивилизации являются универсальные и неизменные моральные ценности, является бесспорным. Они также вечны и универсальны, как естественные права.

Любая модель мироустройства, то есть глобальный мир, неизбежно нуждается в морально-нравственной базе, созданной всем человечеством. Принцип взаимности как принцип международного права вытекает из более общего принципа суверенного равенства государств.

Генеалогия принципа взаимности показывает его истоки. Это старая социальная норма, согласно которой если кто-то делает что-то для вас, вы чувствуете себя обязанным сделать что-то в порядке взаимности.

The Rule of Reciprocity, этика взаимности, или «золотое правило», стало одним из самых важных социальных правил, проводимых в жизнь всеми мировыми религиями: «Делай другим то, что ты хотел бы, чтобы они сделали для тебя». Это правило стало «местом встречи» различных областей знаний — философии, теологии, социологии, юриспруденции.

Несомненно, что сейчас правило взаимности является всеми признанной частью общего наследия человеческой мудрости — эта идея совпадает во всех теологических системах знаний.

Принцип взаимности вырос из формулы древнеримского права: *do ut des* (даю тебе, чтобы ты дал мне). Эта древнейшая юридическая норма описывает опыт примитивного экономического оборота. Право возникло в процессе осознания сути обменных операций. Создавать цены, измерять ценности — все это и означало обмениваться. Этот реальный процесс, писал Ф. Ницше в труде «К генеалогии морали», в такой степени занимал сознание древнего человека, что (в известном смысле) первоначально формы юридического мышления

оказались придатками обменных операций. Из этой зачаточной формы зарождающегося права зреющее чувство и понятие долга, меры, а потом и договора с его взаимностью не только привели к аристотелевскому пониманию взаимности, но и предопределили современный юридический концепт.

Дисгармония, нарушение баланса интересов в обмене, как правило, является следствием страстей человека (желания неосновательно получить ценности). Пострадавшая сторона вынуждена реагировать — в связи с этим возникает стремление осуществить возмездие. Так Платон описывает причины конфликтов в «Государстве». Его версия того, как разрешить проблему гражданского мира и согласия с позиции сегодняшнего дня, кажется наивной. Платон предлагал передать власть в государстве философам, которые, будучи одержимы идеей добра, должны сдерживать страсти людей.

Идею добра подхватило христианство, призывая поставить любовь к ближнему в один ряд с любовью к самому себе. Идея добра «проросла» в учении Л. И. Петражицкого. Профессор Петражицкий в изданной в 1895 году на немецком языке работе «Lehre vom Einkommen», обсуждая различные соображения относительно распределения материальных благ в обществе, высказал идею о значении любви к ближним, согражданам и современникам. При этом выдающийся русский теоретик права понимал под любовью деятельную силу, отличающуюся постоянно возрастающей интенсивностью. По его мнению, любовь может институционализироваться в виде воззрений, инстинктов и даже учреждений. Он считал, что при внимательном изучении всего «общественного здания» можно прийти к заключению, что его фундамент, устои — не что иное, как кристаллизация институтов, образовавшихся под длительным воздействием любви и разума. При этом два начала — любовь и разум — переходят одно в другое. Любовь и разум постоянно борются с эгоизмом, который мешает как установлению гармонии в межчеловеческих отношениях, так и построению разумной социальной жизни.

Отталкиваясь от этих рассуждений, можно высказать предположение, что любовь и эгоизм порождают постоянную борьбу противоположностей, при этом

оба начала обладают социальной полезностью, ибо конкуренция между ними создает гармонию, баланс в форме публичного порядка. Сужение зоны конфликтности — в этом смысл общего блага.

Главное общее благо, если судить по тексту российской Конституции, — это согласие, мир, минимизация социальных конфликтов. В третьей строке преамбулы к ней сказано, что многонациональный народ России утверждает на своей земле права и свободы человека, гражданский *мир* и *согласие*.

Кант рассматривал мораль и право как проявление естественного практического разума. Тем самым его взгляды на то, как разрешать конфликты, не очень отличаются от идеи Платона: нет большого различия между тем, должны управлять всеми философы или практический разум (мораль и право).

Устарели ли подходы Платона, Канта и далее по списку? Думаю, они прошли испытание временем. Глобальный мир по-прежнему имеет два полюса — страстные желания (экономические интересы, желание осчастливить насильно и т. д.) и разум. Разум предполагает баланс, сдерживание.

«Гегемониальные державы» с сателлитным множеством стран в мировой политике несущественно отличаются от стран с моделью классической империи. Они составляют проект мироустройства, который Карл Шмитт во второй половине XX века назвал «порядком больших пространств». Мироустройством в этом проекте занимаются уже не суверенные государства, а «суверенные пространства», на территории которых зависимые нации и народы подчиняются авторитету «прирожденной для руководства» нации, которая обрела доминирующее положение благодаря своим историческим достижениям в области экономики. Сами «большие пространства» в проекте Шмитта наделяются коннотациями, пересекающимися с идеей вечной борьбы культур/идеологий.

«Гегемониальные державы», как пишет Юрген Хабермас, обладают способностью к самоутверждению и «излучению». С помощью своих политических ценностей они формируют *идентичность большого пространства*. Нельзя не согласиться с К. Шмиттом в том, что новый

миропорядок, состоящий из «больших суверенных пространств», может держаться исключительно на «равновесии сил», а не на идее абстрактной справедливости.

Проект Карла Шмитта учитывает все возрастающий скепсис в новом веке по отношению к возможности межкультурного согласования универсально приемлемых трактовок прав человека и демократии.

Итак, философские проекты мироустройства по-прежнему конкурируют между собой. С одной стороны, великие мечтатели Платон, Кант, верившие в вечный мир между нациями, с другой — философы-скептики. К ним весьма условно можно отнести Прудона, К. Шмитта и Ю. Хабермаса.

Первые верили в то, что у вечного мира между народами есть платформа в виде общих морально-нравственных принципов. Вторые, напротив, используя в качестве эмпирических точек опорно-политические события XX и XXI веков, фокусируются на культурном релятивизме, несовпадении морально-правовых принципов в разных «больших пространствах» (западноевропейском, евразийском, азиатском), борьбе культур, идентичности в ее новом масштабе, выходящем за пределы одной нации.

Неизменным остается только одно — основная загадка истории: окажутся правы скептики или романтики?

На уровне ощущений — пока берут верх первые. Это ощущение возникло в связи с тем, что бал начинает править политический цинизм. Общественная атмосфера сродни той, что описал А. Мариенгоф в книге «Циники». Это душная атмосфера, которая обычно возникает тогда, когда рушатся прежние системы ценностей, а пыль и взвесь мешают увидеть, какие новые ценности придут им на смену.